

*Прот. Георгий Сомено,
доцент, кандидат богословия*

Киево-Могилянская Коллегия- Академия на рубеже столетий

Историография происхождения и развития Киевской Духовной школы

I

История Церкви, глава которой есть и будет Иисус Христос, является историей Домостроительства нашего спасения. "Исследование прошлого способствует уяснению настоящего". (Проф.-прот. Петр Гнедич)

Идеалы духовных академий "заключались в вере, осмысленной и обоснованной знанием, и в науке, очищенной и возвышенной парениями веры". (Н.Н. Глубоковский)

Однако, как далеко и тяжело было идти к этим идеалам православно-духовного просвещения и какой непростой, тернистый путь предстояло пройти всем, трудящимся на ниве церковного просветительства. Этим историко-богословским исследованиям прошлого и посвящено будет наше скромное сочинение.

Считаю, что сегодняшняя конференция, посвященная указу Петра I от 26 сентября 1701 года, является, по сути своей, не просто лишним поводом вспомнить "дела минувших дней", не только

Киево-Могилянская Коллегия-Академия на рубеже столетий.

И историография происхождения и развития Киевской Духовной школы

45

данным уважением к тем, кто больше всех трудился на ниве богословского и светского просвещения в прошлом Украины, но и важным шагом к уяснению той важной исторической роли в духовном просвещении, которую сыграли Киевские Духовные школы: Киево-Могилянская Коллегия-Академия, Киевские Духовные Семинарии и Академия.

Церковная историография, посвященная истории Киевских духовных школ справедливо отмечает и тот вклад в общерусское просвещение, который был внесен киевскими учеными и нашей Коллегией-Академией.

Борьба с невежеством велась с помощью полемической литературы.

Обращаясь к событиям эпохи средневековья, когда, собственно говоря, и возникло высшее образование в лице Киевского коллегиума, хотелось бы в сжатой форме уделить внимание тому церковно-историческому и культурно-общественному фону событий, которые способствовали развитию духовного и светского просвещения в Украине в XVII — начале XVIII столетий.

Современная научная историография может беспрепятственно обращаться к тем исследованиям как церковного, так и светского характера, которые не грешат против истины в угоду конъюнктуры и субъективизма.

История церковного Православия на Руси XVI—XVII вв., религиозная, богословская и культурная жизнь Киева в эту эпоху в очень сильной степени зависели от того центра, которому подчинялись и который доминировал в данную историческую эпоху, например, Литвы, католической Польши или православной Московской Руси.

Об этом нам говорят работы многих корифеев церковной истории, православного богословия и христианской журналистики, таких, как, например, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков, 1816—1882), оставивший нам в качестве духовного

наследия не только труды по Догматическому богословию¹, но и монументальную тринадцатитомную "Историю Русской Церкви"².

Будучи воспитанником КДА, Макарий (в миру Михаила Петрович Булгаков) окончил обучение в 1841 году, а в 1843 году, в Санкт-Петербурге вышло первое его сочинение на тему: "История Киевской академии", которое сразу же "привлекло к себе внимание ученых"³ и которое не потеряло своей научной актуальности и до настоящего времени.

По мнению молодого, но вдумчивого и серьезного тогда уже исследователя, историческими вехами в летописном бытии Киевской Академии были следующие периоды.

I. 1589–1631 гг. — "низшая степень", ибо называлась "школой или училищем".

II. 1631–1701 гг. — "высшая степень совершенства и называется Киево-Могилянской Коллегиею".

III. 1701–1818 гг. — "развитие всех ее жизненных сил, она принимает важное название Киево-Могило-Заборовской Академии".

IV. С 1819 года... "Теперь известна она под именем Киевской Духовной Академии"⁴.

От себя добавим, что четвертый период, да и сам XIX век, когда на Руси были открыты четыре Духовные Академии — Петербургская в 1809 г., Московская в 1814 г., Киевская в 1819 г. и Казанская в 1842 г., был "серебряным" веком, веком наивысшего духовно-интеллектуального расцвета, когда наши богословы и церковные историки стали не только конкурентоспособными, но занимали иногда и лидирующее положение в западноевропейской науке. Поэтому мы счастливы, что имели и имеем таких предшественников и учителей. Киевская Духовная Академия (как и другие ей подобные) и православная наука явились и долго были светильниками веры и разума, религии и науки.

Во II-й главе своего труда иеромонах Макарий предлагает читателям так называемые "артикулы прав школы", т.е. дисциплинарный

Могилевская Коллегия-Академия на рубеже столетий.

География происхождения и развития Киевской Духовной школы

47

нический устав поведения учителей и учащихся, который мно-
ги своими положениями представляет интерес, как нам кажется,
и для сегодняшнего дня⁵.

Митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов,
1817–1837)⁶, один “из самых образованных людей своего вре-
мени”, был “живой библиотекой”⁷ и автором таких важных тру-
дов, как “Словарь исторический о бывших в России писателях
духовного чина Греко-Российской церкви”, уникального справоч-
ного религиозно-исторического пособия; “Описание Киевского
Софийского собора и Киевской иерархии” и “Описание Киево-
Печерской Лавры”⁸ и др.

Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский, 1805–1866),
выдающийся церковный историк, богослов и писатель в своей “Исто-
рии Русской Церкви” (в пяти периодах, первый систематический
труд по церковной истории) обстоятельно повествует нам, примени-
тельно к нашей теме, об “Учителях и защитниках Православия” и
о “Положении Православия между двумя крайностями: папизмом
и реформациею”, а также о прибытии в 1649 г. в Москву “ученых
старцев”: Арсения Сатановского и Епифания Славенецкого, а в
1650 г. — Дамаскина Птицкого⁹, то есть, людей “домогилинского”
или греческого направления в просвещении.

В. Асоченский¹⁰, который окончил КДА (IX курс) вместе с
будущим архиеп. Казанским Антонием (Амфитеатровым) и был
“недолгое время бакалавром академии”¹¹, в т. наз. “посвящении”
своего сочинения говорит: “Посвящается всем воспитанникам
Киевской Академии, бывшим, настоящим и будущим”. Хочется
думать, что сказано это было с верой и надеждой в духовные и
научные силы всех будущих поколений.

Ученые профессора и талантливые студенты КДА также уде-
ляли, в меру сил и возможностей, свое почтительное внимание и
незаурядные дарования как начальной истории основания колле-
гииума, так и дальнейшему бытию любимой Alma Mater.

Выдающимися среди таких богословов и историков были: Николай Иванович Петров (1840–1921), Стефан Тимофеевич Голубев (1848–1920), прот. Федор Иоаннович Титов (1864–1935). Мы считаем их “первыми” не в смысле “открывателя и основателя” исторического делания, а в более общем и глубинном понимании совершенных ими работ как обобщающего характера, так и в научном исследовании историко-археографических и церковно-богословских тем, фактов, деталей, персонажей.

Наша участь в исследовательском плане была облегчена на последней стадии подготовки материалов важной историко-исследовательской научной монографией Константина Константиновича Крайнего: “Историки Києво-Печерської Лаври XIX–початку XX століть”. Київ, 2000 рік.

В этой работе дается не только характеристика жизни и деятельности церковных историков: прот. Лебединцева Петра, Лашкарева П.А., Петрова Н.И., Голубева С.Т., прот. Титова Ф. на фоне церковно-общественных и социально-государственных событий, но и, что не менее важно, перечисляются, когда в алфавитном порядке, а когда — в хронологическом, их научно-богословские труды, а также приведен список источников и литературы, причем, источники архивно-рукописные из ЦДІА¹² Украины и Института рукописей¹³.

Даже историки светского направления, особо не утруждавшие себя лояльностью к Церкви и религии, отмечают: “Заслугой этих исследователей (т.е. Голубева С., Петрова Н., Титова Ф., — прот. Г.С.) является публикация большого документального материала”¹⁴.

Профессора других академий, например Казанской, Петр Васильевич Знаменский (1856–1917 гг.) написал, кроме других трудов, такой труд по программе церковной истории для духовных семинарий, что эта классическая книга была рекомендована

Киево-Могилянская Коллегия-Академия на рубеже столетий.
Историко-географическая преемственность и развития Киевской Духовной школы

Синоду. Синодом в качестве учебника и остается нужной и по сегодняшний день¹⁵.

Проф. Александр Павлович Доброклонский (1856–1938), окончивший МДА, написал свое солидное “Руководство по истории Русской Церкви”, где в числе церковной полемической литературы рассматриваемого периода, в частности, упоминает исторические сочинения: Феодосия Сафоновича, учителя киевского коллегиума, затем игум. Киево-Михайловского монастыря, известную “Хронику”, в которой Ф. Сафонович излагает события по русской истории до 1290 г.; Иннокентия Гизеля († 1684 г.), ректора Киевской Коллегии (1646–1650 гг.) и архим. Киево-Печерского (после Иосифа Тризны), написавшего, кроме прочего, известное историческое сочинение: “Синописис, или Краткое описание о начале славянского народа и первых киевских князьях, до государя царя Феодора Алексеевича” (1674 г.)¹⁶.

Это был “слабый и далеко не самостоятельный (из польских историков и Феодосиевой Хроники) опыт русской истории, однако, за неимением других, он до времен Ломоносова употреблялся в школах в качестве руководства”¹⁷.

Следующей знаменитой личностью, о которой говорит не только проф. Доброклонский и прот. Г. Флоровский (1893–1979) в своем знаменитом произведении “Пути...” (остановимся на их высказываниях несколько позже и подробнее), но и очень многие авторы¹⁸, был Лазарь Баранович (1593–1693), архиеп. Черниговский и Новгород-Северский, сумевший стать исторической вехой в Киевском Коллегиуме и в Церкви Православной на Руси.

Сделаем предварительный вывод о том, что настоящей исторической науки в Киеве до XIX века, по объективным причинам, быть не могло, а отдельные, более или менее удачные опыты, существовали. Это — исторический факт.

Теперь скажем кратко о том, что вопреки духу схоластики, несмотря на латинское образование и схоластическое мышление, которые не способствовали возрастанию восточной духовности, были среди выпускников Киево-Могилянской Академии будущие православные святые, которых Святая Церковь канонизировала за праведную жизнь, личную духовность, высокое христианское благочестие, чистое сердце, смирение, любовь к Богу, Церкви, ближним и другие добродетели. Перечислим этих небожителей и их святые¹⁹ имена: Димитрий (Туптало, 1651–1709), митр. Ростовский; Иоанн (Максимович, 1651–1715), митр. Тобольский; Иннокентий (Кульчицкий, † 1731), еп. Иркутский; Феодосий (Углицкий, † 1698), архиеп. Черниговский; Иоасаф (Горленко, 1705–1754), еп. Белгородский, и некоторые другие, числом не многие. Да так было и во все времена. И каждый из этих святых является свидетелем Божиим о благодатности Церкви Христовой, о возможности спасения в земных условиях, о силе и высоких традициях, духовных традициях Восточного христианства и русской святости.

II

Прот. Г. Флоровский в своем фундаментальном труде “Пути Русского Богословия” собственно событиям Киевской учености, книжности и академического богословия XVI, XVII и нач. XVIII веков посвятил целый раздел. (См. главу II. Встреча с Западом.) Позволим себе малое отступление в историю.

Вспомним некоторые события, которые прямо или косвенно оказали свое влияние на Киев или же на всю православную Русь.

В 1363 г. Киев вошел в состав Великого Литовского княжества²⁰. Статус удельного княжества Киев получил в 1440 г. и с этого момента княжить здесь стали Олельковичи, которые находились в дружественных и семейных связях с князьями северо-

восточной Руси²¹. Когда же в Киеве княжил последний удельный князь — Семен Олелькович (1452—1470), тогда же, а именно в 1453 году, произошло трагическое событие планетарного масштаба, — был взят “агарянами” Константинополь и произошло падение Византийской империи.

В начале XV в. возрастает земельная собственность католического духовенства, в особенности, католических орденов: доминиканского (в Киеве с 1411 г.), бернардинского и иезуитского (в течение XV—XVI вв.)²².

В 1514 году польский король Сигизмунд I (1506—1548) подтвердил своей грамотой предоставление Киеву магдебургского права, хотя эти права не всегда соблюдались, чаще же нарушались, особенно после Брестского собора 1596 г. и 1781 г., введения “Учреждения о губерниях”²³.

С 1517 года началась эпоха протестантизма, когда Мартин Лютер (1483—1546) возмутился продажей индульгенций в Германии и отделился от Рима, а затем, в течение XVI — и нач. XVII ст.ст. Реформация прошла по странам Западной, Центральной и Северной Европы²⁴.

Для борьбы с протестантством и был создан Игнатием Лойолой орден Иисуса (или иезуитов), устав которого папа Павел III утвердил в 1540 г., а в 1560 г. иезуиты²⁵ уже двигались по Польше, победив протестантов, и взялись за православных.

С католиками, протестантами, иезуитами и униатами мы не раз встречаемся в истории, посвященной как Православию на Руси, так и Киевскому Коллегиуму. Затертой, можно сказать, стала фраза о том, что факты — вещь упрямая, а история, повторяясь, нас учит (или должна учить) быть осторожными.

“В жизни русского Запада, — пишет о. Г. Флоровский, — XVI век был временем трагическим и тревожным. Это было время напряженной религиозной борьбы и богословских споров... В середине века вся Польша и особенно Литва охвачена

реформационным возбуждением. Это возбуждение и беспокойство очень чувствовалось и в православной среде”²⁶.

Таков был фон событий накануне “встречи с Западом”, встречи “воинственной”, к которой “Церковь не была готова”²⁷.

Далее, XVI век заканчивается “почти повальным отступничеством иерархии, отпадением в унию... Вся тяжесть православной самозащиты падает на церковный народ. И в соборном творчестве крепнет церковное самосознание...”²⁸.

Первая половина XVII в. явилась для Украины эпохой “предвозрождения”, культурного, социального, экономического, а г. Киев становится центром духовного просвещения; книгоиздательства (особенно при типографии Киево-Печерского монастыря) и монашества (Печерская Лавра, Братский Богоявленский монастырь, Флоровский монастырь, известен с XV в.).

Славной датой стал для Киева да и для Руси Православной 1615 год. В этом году были основаны: Братский Богоявленский училищный монастырь на Подоле²⁹, Православное Богоявленское братство и братское училище или школа. Главой братства и первым игуменом Братского монастыря был Исаия Копинский³⁰, а первым ректором школы — священник Иоанн (в монашестве Иов), бывший ректор Львовской школы³¹, будущий Киевский митрополит.

С этой даты будет вести свою начальную летопись преобразованная в 1819 году Киевская Духовная Академия, славная своим историческим бытием, своими профессорами и многими студентами, подвижническими учеными трудами и церковно-литургической духовностью.

Прот. Г. Флоровский, перечисляя главные центры православной “самозащиты” (Вильно, Острог, Львов и Киев) роняет фразу: “В XVII веке выступает казачество”³², “рыцарские люди” Войска Запорожского”, и далее автор подробно останавливается на “ученом иночестве” Печерской Лавры и Братской школы. “Около

1615 года мы находим в Печерской Лавре как бы колоннию ученых иноков, собранных здесь новым архим. Елисеєм Плетенецким... В Лавре устраивается типография... и, начиная с 1617 г., выходит ряд изданий — отеческих творений и богослужебных книг. Особо нужно назвать Памву Беринду (автора книги: “Лексикон славено-российский и имен толкование”, 1627 года, был родом из Молдавии)³³; Тарасия Земку, ученого издателя литургических книг и составителя похвальных “виршей”; Лаврентия Зизания, автора неудачного Катихизиса... Все они старались работать по греческим и славянским материалам, в их работах чувствуется большое культурное воодушевление”³⁴.

О культурном воодушевлении, о культуре вообще, писали и еще будут писать светские историки, философы, публицисты. Нас же больше всего интересует церковная история, православная культура и философия, христианская этика, эстетика, риторика, религиозная психология и еще много чего интересного, важного, нужного, в первую очередь, — для души.

Именно для души творили, жили и боролись лучшие из лучших, достойнейшие из достойных, имена которых на века запечатлела нам церковно-историческая память.

Эти имена подвижников богословской науки, выдающихся церковных историков, архипастырей, пастырей, монахов и простых мирян, всех, кто потруился на ниве Христовой, достойны не только и не столько простого упоминания или перечисления в “списке”. Будем надеяться на благодарную память и будущих потомков, и ныне живущих, любящих читать, размышлять, молиться...

Таким был не только и не один о. Георгий Флоровский, но, в контексте нашего размышления, послушаем дальше, что говорится о трудах киевских ученых. “Из оригинальных трудов киевских писателей этого времени всего значительнее “Палинодия” Захарии Копыстенского (с 1624 года Печерский архимандрит, преемник Плетенецкого). Это был ответ на книгу Л. Кревзы³⁵.

Обропа jednosci cerkiewney (Вильна, 1617 г.)³⁶. Копыстенский развивает в своей книге “восточное” понимание церковного единства и с большим искусством обосновывает его от Писания и от отцов. Чувствуется большое и свободное знание материала, это была работа многих лет”³⁷.

“Палинодию, или Книгу обороны Восточной Церкви”³⁸ иером. Захария напечатал в 1621 году. Исторические документы свидетельствуют, что Киевская Русь приняла христианство в его восточной, греческой форме, а посему, говорит ученый-иеромонах Захария, пусть те, кто введен в заблуждение, возвращаются на исторический путь Православия. Защищал он православных и от критики с другой стороны, протестантской, в своей “Книге о вере единой”³⁹.

Православные несли свои потери не только на фронте идеологическом, когда заимствовали в своих произведениях чуждый дух латинства и схоластики, но и в тех случаях, когда пропитанные этим духом чужим и враждебным, переходили в унию архиереи и монахи-ученые (например, Мелетий Смотрицкий, Кирилл Транквилион Старовецкий, Кассиан Сакович).

Не будем особо подробно останавливаться на личности и трудах митр. Петра Могилы в том ракурсе, который нам подает о. Г. Флоровский, ибо его характеристика сужена рамками общего повествования и отвечает задачам книги и ее тематике. Более того, мы имеем полную и научно объективную работу, принадлежащую перу незабвенного профессора КДА Стефану Тимофеевичу Голубеву: “Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники.” Т.1, Киев, 1883; Т.2, 1898.

Чтобы не прерывать нить повествования, вспомним оценку, которую дает прот. Г. Флоровский образу митр. Петра. Он пишет: “Есть что-то загадочное и двусмысленное в образе Петра Могилы. Трудно понять, был ли он искренним ревнителем православия или скорее искусным соглашателем... Между тем, его

ио-Могилянская Коллегия-Академия на рубеже столетий.
эволюция происхождения и развития Киевской Духовной школы

55

историческое влияние было решающим. И с основанием его
начиная обозначают целую эпоху в истории западнорусской цер-
кви и культуры... Могила был едва ли не самым сильным и
влиятельным из западнорусских церковных деятелей XVII века. У
него был подлинный державный пафос, умение и охота властво-
вать и побеждать”⁴⁰.

Родился будущий митрополит Петр в 1596 году, с 1627 г.,
после смерти Захарии Копыстенского, он избран в архимандриты
Лавры, а с 1633 по 1647 гг. — митрополит Киевский и
Галицкий. В 1996 г. Украинской Православной Церковью при-
числен к лику святых.

Совсем другая психологическая тональность звучит в харак-
теристике, данной митр. Исаие Копинскому (1631–1633 гг.).
“Исаия, человек простой и сильной веры, отчасти напоминает
Випенского. Он весь в преданиях восточного богословия и
аскетики, и ко “внешней мудрости” относился весьма недоброже-
лательно и недоверчиво”⁴¹.

Послушаем, как охарактеризовал киевскую ученость в XVII—
нач. XVIII вв. автор цитируемых нами “Путей...”: “Кругозор
Киевских профессоров и школяров в XVII веке не был узким...
Начало XVIII века было временем расцвета Могилянской школы
и культуры... и, вместе с тем, это был уже и эпилог... с культурно-
исторической точки зрения. Киевская ученость есть несомненное и
значительное событие, не только явление. Это первая открытая
встреча с Западом. Можно было бы сказать, свободная встреча, —
если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачею в
плен. И потому эта встреча не могла быть творчески использована.
Сложилась школьная традиция, возникла школа, но не создано
духовного и творческого движения, сложилась подражательная и
провинциальная схоластика, именно “школьное богословие”, *theologia
scholastica*. Это обозначило некую новую ступень религиозно-куль-
турного сознания. Но в то же время богословие было сорвано с

его живых корней. Возникло болезненное и опасное раздвоение между опытом и мыслию. Крутозор киевских эрудитов был достаточно широк, связь с Европой была очень оживленной, и до Киева легко доходили вести о новых движениях и исканиях на Западе. И, однако, была некая обреченность во всем этом движении. Это была псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли...⁴².

Можно соглашаться с такой характеристикой, а можно и не соглашаться. Можно обидеться или пропустить мимо ушей, ибо всем известно, со скамьи семинарской, о том южнорусском, юго-западном, украинском, как сказали бы сейчас, влиянии на московское просвещение, о котором писали все наши крупные церковные историки, начиная с "настоящей ученой истории русской церкви", (по слову А.В. Карташева⁴³) архиеп. Филарета (Гумилевского)⁴⁴, проф. П.В. Знаменского⁴⁵, проф. А. Карташева⁴⁶, И.К. Смолича⁴⁷, который говорит не только о школьном образовании, но и об ученом монашестве, которое, как и образование, зародилось на Украине.

Может возникнуть соблазн, когда нам захочется обвинять киевских ученых в излишней приверженности их к западной схоластике, а не к православному Востоку, или, например, к исихазму. Однако, вспомним и о том, что после 1453 г. духовная и культурная жизнь Византии находилась в упадке.

Говоря о серьезном влиянии Запада на церковную жизнь Востока, когда "богословие схоластизируется и отходит от свято-отеческих источников", вспомним, что "последним догматическим произведением Восточной Церкви, более или менее лишенным влияния схоластики, было неофициальное письмо Константинопольского патр. Иеремии II, написанное тюбингенским протестантским богословам в 1576 году в ответ на Аугсбургское Исповедание. Однако и здесь прослеживаются некоторые следы западного богословия"⁴⁸.

Таким образом, киевские ученые, как воспитанники западных школ, впитавшие в себя схоластические соки католической учености, по сложившимся обстоятельствам не могли учить других тому, чему сами не учились и чего не знали.

Его положительный вклад и значение, которые внесла в науку и в жизнь православную, образованная в 1819 году Киевская Духовная Академия, вовсе не перечеркивает фактических достижений, которых, при всех недостатках, добилась в истории Киево-Могиланская Коллегия-Академия. Символом киевского Просвещения и главным действующим лицом можно считать свт. Петра Могилу.

А теперь о еще одном важном факте церковно-исторической жизни Киева XVII в., который, хотя и не имел широких последствий, тем не менее, воодушевил православных. Имеем в виду 1620 год, к которому готовились заранее, а подготовку хранили в тайне. Иерусалимский патр. Феофан IV, участвовавший в 1619 г. в патриаршей хиротонии Филарета (в миру Федора Никитича Романова-Юрьева), среди Великого поста 1620 г., имея полномочия от Вселенского патриарха, прибыл во град Киев и совершил здесь великое и благое дело, — восстановил православную иерархию, оскудевшую благодаря политике польского правительства. Под защитой казаков и знаменитого гетмана Войска Запорожского Петра Конашевича-Сагайдачного († 1622 г.), покровителя Киевского братства и школы, 15 августа, под покровом ночи, как верующие первых веков христианства, патр. Феофан поставил в Киев митрополита Иова Борецкого (1620—1631 гг.), который до этого момента был игуменом Киево-Михайловского монастыря, еще ранее — ректором Львовской, а потом — Киевской братской школы. Кроме митрополита, были хиротонии еще шести епископов для юго-западных епархий. Причем сопровождал патриарха в этой поездке знаменитый Арсений, еп. Элассонский, архиеп. Суздальский († 13 апр. 1626 г.), участник создания Львовской школы⁴⁹.

Правительство Речи Посполитой, которое активно поддерживало униатов, а не православных, вполне логично, в духе своей политики, не признало восстановленной иерархии, объявило им войну и дало предписание, чтобы на местах их судили. Только один митр. Иов, под защитой казаков, мог спокойно жить в Киеве, остальные епископы жили вдали от своих епархий⁵⁰.

Пройдет еще немало времени, пока наступит относительное затишье, связанное со смертью Сигизмунда III (1587–1632 гг.) и восшествием на престол его сына Владислава IV (1632–1648), когда на Варшавском сейме 1632 г. будет официально признана православная иерархия, а заодно, вместе с этим признанием будут восстановлены четыре православные епархии: Киевская, Львовская, Перемышльская, Луцкая и учреждена вновь Белорусская (или Мстиславская)⁵¹.

Киево-Могилянской Коллегии-Академии, история которой неразрывно связана с историей Киевской Митрополии, повезло с высшей иерархией, начиная со свт. Петра Могилы, так как многие из них были либо выпускниками Коллегиума, либо преподавателями ее. Да и не было таких личностей, которыми характеризуется, за редким исключением, почти весь период, начиная с 1458 по 1596 гг., о чем очень ярко, подробно и справедливо пишут в своих "Историях" нашей Церкви митр. Макарий (Булгаков) и А.В. Карташев.

Следуя исторической справедливости и духовной закономерности, помня индивидуальную и коллективную предвзятость и несправедливость по отношению к православным со стороны представителей других конфессий, о чем (т.е. о притеснениях и обидах) много собрано документальных свидетельств в "Материалах для истории Православия" в Украине⁵², т.е. архивные источники, которые издавались с 1859 года; "опубликованные во множестве материалы и документы из архивов Ватикана, Польши нашей Археографической Комиссией"⁵³, а также историко-

исторические исследования, говорящие о борьбе православных за свою “веру и народность”⁵⁴.

Эта закономерность и справедливость привела к известным событиям 1648–1654 гг., а затем и к 1685 году, когда 8 июня, на соборе в Киеве, был избран в митрополиты (из русских князей) Гедзон Четвертинский, до избрания еп. Луцкий, а в сентябре, в Москве, патр. Иоакимом еп. Гедзон был поставлен на Киевскую кафедру. В том же 1686 г., в мае, был подписан “вечный мир” России с Польшей, а в 1687 г. патр. Константинопольский Дионисий, в согласии с другими патриархами, прислал отпускную грамоту митр. Киевскому⁵⁵.

Начался новый период, период постепенного духовного роста и церковно-общественного качества. Вот как об этом говорил 26 сентября 1901 года на торжественном акте КДА, посвященном грамоте Петра I (от 26 сентября 1701 г.), проф. Стефан Тимофеевич Голубев:

“С начала 90-х годов XVII столетия для Киево-Могилянской Коллегии наступают лучшие времена, и она быстро начинает обновляться и внешне, и внутренне. В 1690 году, после кончины митр. Гедзона Святополка-Четвертинского, на первосвятительскую кафедру Киевской Митрополии вступил бывший питомец Киево-Могилянской Коллегии и один из достойнейших ее ректоров, упомянутый Варлаам Ясинский”⁵⁶.

Это был один из выдающихся архиереев Киевской митрополии, образованный, хотя и не вполне последовательный, но православный. Особо заботился о Киевском Коллегиуме, был ее “ревностным покровителем”⁵⁷. Это его просьбу “поспешил исполнить” митр. Стефан Яворский (1658–1722), которого митр. Варлаам послал в Москву и который, вместо викария Киевского, стал Рязанским и Муромским, “Экзархом, Блюстителем и Администратором патриаршего стола” при Петре I. Последнему и была донесена просьба и ходатайство Киевского митрополита, а грамота была выдана

нашему Коллегиуму 26 сентября 1701 года. Этой грамотой Петр I "подтвердил царскую грамоту 1690 г.", когда был предоставлен "ректору и префекту Коллегии суд над студентами"⁵⁸.

Митр. Киевский Варлаам Ясинский, родился в 1627 году, образование получил в Киево-Братской Коллегии, в Краковской академии; а 13 ноября 1665 г. избран игум. Братского монастыря и ректором Киевского Коллегиума. В 1683 г., после смерти Иннокентия Гизеля, был избран архим. Киево-Печерской Лавры. При чем, поставление в архимандриты принял не от патр. Иоакима, а "от своего учителя и покровителя, архиеп. Черниговского Лазаря Барановича"⁵⁹.

Зато посвящение в Митрополита Киевского Варлаам получил в Москве от патр. Адриана 31 августа 1690 г. На епархиальном соборе в Киеве, в 1691 г., были "оглашены от его имени "Заповеди" духовенству, по которым всякому протопопу Киевской Митрополии предписывалось иметь у себя книгу Иоанникия Галаатовского "Мир с Богом человеку"⁶⁰.

Писательская, главным образом, церковно-богословская деятельность Варлаама Ясинского с самого начала нашла одобрение у архиеп. Лазаря Барановича, который отзывается о ранних письмах или "тетрадах" Варлаама, называя их "первыми опытами". "Спеша, любезный, и управляйся с этим делом Божиим, потому что слово Божие действительно, и десница Господня за каждую черную букву готовит для тебя светлые звезды"⁶¹.

Владыка Варлаам был плодовитым писателем: автором посланий, поучений, стихов, а главное, он был "непосредственным организатором и покровителем издания Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. "Первая их книга (1689 г.) вышла с обширным его (В. Ясинского, — прот. Г.С.) предисловием (перепечатано Ф. Титовым)"⁶².

Сохранилась большая переписка митр. В. Ясинского: письма, послания, челобитные, грамоты⁶³.

но-Могиланская Коллегия-Академия на рубеже столетий.
Функция происхождения и развития Киевской Духовной школы

61

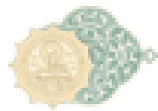
Именно такой деятельный и просвещенный митрополит нужен
Киевскому Коллегиуму, постепенно превратившемуся в Ака-
демию, а затем и в духовный рассадник веры и знаний.

III

В своем капитальном труде — “История русской философии” (Том I. Париж, 1948 г. Том II. Париж, 1950 г.), прот. Паисий Зеньковский (1881—1962), проф. Богословского Православного Института в Париже (1926—1962), а до этого проф. психологии Киевского университета (1915—1919) и член Украинского Церковного Собора в 1919 г.⁶⁴, целую главу посвятил XVIII веку, с его идеей “обмирщения государственной власти” и “секуляризации внутрицерковного сознания”, в качестве примера приводит и аргументированно разбирает философию Г.С.Сковороды. Правда, в этой же второй главе (т.I), автор неслыханно немногословно останавливается на двух, как справедливо замечает он далее, “ярких представителях русской церковной жизни XVIII века — св. Тихоне Задонском⁶⁵ и старце Паисии Величковском⁶⁶, последний, кстати, учился в Киевской Академии, но не закончил ее.

Теперь, по нашей теме, автор пишет следующее: “Для правильного понимания перелома в общерусском церковном сознании нужно напомнить то, что происходило в церковной жизни Украины в XVI—XVII вв. До середины XVII века Украина была политически связана с Польшей, и как раз это обстоятельство и явилось толчком к церковному “возрождению”, которое началось на Украине в XVI веке”⁶⁷.

Под церковным “возрождением” автор имеет в виду создание и открытие православных братских школ во второй половине XVI в. (Острожская, Львовская, Виленская), а в начале XVII в. — в Киеве, Кременце, Могилеве, Минске, Виннице. Этот список

существовавших в это время братских школ в Западной Украине и Белоруссии можно продолжить⁶⁸, но в количественном отношении их было около 30, и это касается только украинских⁶⁹.

Прот. В. Зеньковский, говоря о процессе “проникновения церковного просвещения из Украины в Москву”, который “получил особенно значительный характер”, попутно отмечает и следующее: “Правда, вместе с тем в общерусскую церковную стихию проникают и всякого рода “латинизмы”, чуждые существу Православия, но основной факт заключался, конечно, не в этом.

Церковное возрождение в Украине было связано с необходимостью защититься от наступательных действий католицизма”⁷⁰.

О всех “прелестях” и “издержках”, сопутствующих этому наступлению католиков и униатов, имеется полным-полно сведений и в исторической православной литературе, и в воспоминаниях современников и даже у светских и, что удивительно, у католических авторов, пишущих о таких притеснениях и обидах, нанесенных православным, с легким сожалением⁷¹, хотя даже поверхностный обзор церковно-общественных отношений после 1596 года говорит нам о религиозно-жизненных трагедиях православных на Украине, в Белоруссии, Литве и Польше в XVI–XVII веках.

Митр. Макарий (Булгаков)⁷², проф. П.В. Знаменский⁷³, проф. А.П. Доброклонский⁷⁴, проф. А.В. Карташев⁷⁵, И. Огиенко⁷⁶, И. Власовский⁷⁷, О. Субтельный⁷⁸, Дм. Поспеловский⁷⁹ — это только тот малый перечень историков, которые пишут о горькой участи православных в тот период, когда “завязывалась вековая борьба” (А.П. Доброклонский, цит. соч.) и “кровь лилась по всей Украине” (Прот. К. Зноско, цит. соч.).

А.В. Карташев в своих историко-документальных “Очерках...”, говоря о развитии событий после Брестского собора, с горечью и сожалением констатирует следующее: “Начался новый мученический период православной церкви в Польском государстве, как

и митрополичества, с протекционным насаждением унии, с православного населения, переходившей часто в гражданскую войну, в виде казацких восстаний”⁸⁰.

На эту же тему затрагивает и другой историк, с иного, чем прот. Кирилл, континента и другой конфессиональной принадлежности — Иван Власовский, в своих “Нарисах...” указывает: “Целью притесненного насилия над свободой веры украинского народа, довершений польскою державною владою в союзе с Римом, украинцы и белорусы, які з них залишаються вірними прадідівській вірі, не миряться з цим насильством и вступают на шлях впертої боротьби з польською владою, яка керується за Сигизмунда III пануютькою мораллю лицемірства і обману”⁸¹.

А далее у автора следует самоочевидный вывод: “...Берестейскою унією 1596 р. було внесено в історичне життя українського народу таке розбиття, наслідки якого залишаються донині. Берестейскою унією була знищена релігійна єдність українського народу”⁸².

Эти и похожие проблемы исторического прошлого Православной Церкви на Руси рассматривались нами на церковно-исторической конференции, посвященной 500-летию мученической кончины свт. Макария, митр. Киевского (1497—1997)⁸³.

“Брестская уния” — не тема нашего доклада, поэтому ограничимся краткой характеристикой, которую дал ей прот. Г. Флоровский.

“Уния в действительности была и оказалась расколом...” (с. 38—40 цит. соч.)

“Уния была скорее актом культурно-политического, нежели религиозного самоопределения”⁸⁴.

Заключение

Теперь сделаем вывод о значении Киево-Могилянской Коллегии-Академии в деле духовного просвещения и в истории

Православия на Руси. Мы сознательно ограничили свое повествование эпохой, важной для Украины в XVI – нач. XVII столетиях и в конце XVII – нач. XVIII веков. Эти рубежи столетий имеют важное значение не только закладкой того фундамента, на котором будут строить общественно-политическое и социально-культурное будущее Украины, но и, что не менее важно, так это духовным созиданием православно верующего народа, его непростым историческим прошлым, полным мужества, борьбы, достоинства.

Коллегия-Академия в Киеве на рубеже этих столетий явилась тем церковно-культурным материком, историко-религиозным феноменом на Руси, который способен был вырасти в могучее дерево, имя которому — Киевская Духовная Академия.

Приложение

В главе II труда иером. Макария предлагаются так наз. “артикулы прав школы греко-латино-славянской”. Приведем некоторые пункты этих правил ученической жизни и поведения, или, как тогда называли, “спудеев или студентов”:

В ч. 9 сказано: “В школе учат только наукам и добродетели”, а чтобы ничто не отвлекало “спудея” от главной цели, посему “запрещается ученикам иметь какие-либо инструменты и ими заниматься” (с. 24).

В ч. 10 говорится: “Не должен ученик водить связи с порочными людьми; обязан отдавать почтение (снимать шапку) всем старшим — и духовным, и светским”.

В ч. 11 читаем: “Так как все должно начинать при помощи Божией, то студент обязан молиться Господу утром и вечером, в дни же воскресные и предпраздничные ходить в церковь и стоять там с надлежащим вниманием...”

А в ч. 12 сказано особенно важное для жизни каждого христианина, а не только воспитанника школы: “Кто желает приобрести

Киево-Могилянская Коллегия-Академия на рубеже столетий.

Историография происхождения и развития Киевской Духовной школы

65

истинную мудрость, тот должен, как можно чаще приобщаться Божественной Мудрости — Сына Божия в пречистых Его Тайнах. По сему советуем (*подчеркнуто мною, — прот. Г. С.*) спудеям приступать к Святым Таинствам Покаяния и Евхаристии, если можно, в каждый Господский праздник и пост, а всем приказываем говеть и причащаться непременно в четыре Поста”.

Имеется и “порядок школьный”, где первым пунктом (а всего их 21) записано:

“Учитель должен быть разумен, благочестив (*подчеркнуто мною, — прот. Г. С.*), да будут таковы же и ученики...”

“Учитель всех должен любить равно: и богатых, и сирот” (ч. 5).

“Учитель обязан выдавать им в записках учения от св. Евангелий, посланий Апостольских, Пророков, св. Отец, философов, поэтов, историков и проч.” (ч. 12).

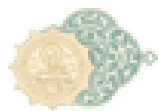
Далее говорится о том, что сейчас у нас вменяется в обязанность классных наставников, а именно:

“После обеда в субботу учитель обязан час немалый учить детей страху Божию, любви к родителям, уважению к старшим и вообще всякой добродетели” (ч. 14).

Предпоследний пункт актуален и для XXI века, а не только для XVI или, скажем, XVIII, ибо говорит о связи взаимной зависимости науки и религии, просвещения и нравственности, научной теории и жизненной практики.

“Если учитель или ученик будут безнравственны, то есть, либо пьяница, либо развратник и тому подобное, немедленно да извергнутся” (ч. 20).

Как говорят в таких и подобных случаях, комментарии излишни, готовое руководство для действия, но не всегда и не везде действует, помогает, потому что человек религиозно и нравственно по сути своей не меняется, не улучшается духовно.

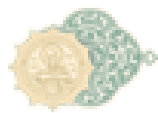

Ссылки и примечания:

1. "Православное Догматическое богословие." Коломна. Т. I—II, 1993 г. О нем см.: Ф.И. Титов. Макарий Булгаков, Митрополит Московский. Т. I. Киев, 1885 г. Т. II. Киев, 1903. Его же. Т. III. Киев, 1915.
2. Переизданная и дополненная в Москве, в девяти книгах (некоторые кн. в двух частях), в 1994–1997 гг.
3. Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. М., 1994. С. 6.
4. Макарий Булгаков, иером. История Киевской Академии. СПб., 1843. С. 13–14.
5. См.: Приложение.
6. См. о нем: Карпов С.М. Евгений Болховитинов как митрополит Киевский. Киев, 1914. Г. Флоровский. Пути Русского Богословия. Paris, 1988. С. 141–142. Доц. архим. Августин (Никитин): "Митр. Евгений (Болховитинов) и эпоха Крещения Руси. // Вестник Ленинградской Духовной Академии. № 7. 1990. С. 40–50.
7. См. предисловие к кн.: Митр. Евгений... Словарь исторический... М., 1995. С. 8.
8. Євген Болховітинов, митрополит. Вибрані праці з історії Києва. Київ, 1995. С. 36–372.
9. Филарет, архиеп. "История...". М., 2001. С. 552–564, 566. О нем см.: Юбилейный сборник "БТ". МДА 300 лет. М., 1986. С. 88–89.
10. Киев с древнейшим его училищем-академиею. В двух частях. Киев, 1856.
11. Мухин Н. Киево-Братский училищный монастырь. Исторический очерк. Киев, 1893. С. 5.
12. Центральний державний історичний архів України в Києві.

16. Копіює рукопису Національної бібліотеки України імені В. Гоголя.
17. Іванко Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении украинского народа с русским и белорусским. Вторая половина XVI — первая половина XVII вв. Киев, 1987. С. 5.
18. Шиманский П.В., проф. История Русской Церкви. Париж, 1996. С. 188—222.
19. Доброклонский А.П. "Руководство..." М., 1999. С. 460.
20. Цит. соч. С. 460—461.
21. С.м.: Курсовое сочинение прот. В. Дзякова на тему: "Архиеп. Черниговский и Новгород-Северский Лазарь Баранович: историко-критический анализ церковно-общественной деятельности", Киев, 2001.
22. Хижняк Зоя. Києво-Могилянська академія. Історичний нарис. Київ, 2001. С. 16.
23. История Киева. Т. I. Древний и средневековый Киев. Киев, 1982. С. 230.
24. Там же. С. 238. "Женой Олелька Владимировича была дочь московского великого князя Василия Дмитриевича Анастасия, а сын его, будущий киевский князь Семен, воспитывался при дворе московского князя".
25. Там же, С. 208.
26. Энциклопедический справочник. Киев, 1986. С. 371.
27. Христианство и религии мира. М., 2001. С. 120.
28. Тальберг Н. История Христианской Церкви. Москва — Нью-Йорк, 1991. Ч. 2, С. 38—42.
29. "Пути..." . Paris, 1988. С. 30.
30. Там же.
31. Там же. С. 31.
32. Мухин Н. Киево-Братский училищный монастырь. Исторический очерк. Киев, 1893.
33. Там же. С. 28.

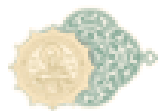
31. Хижняк Зоя. Києво-Могилянська академія. Історичний нарис. Київ, 2001. С. 6.
32. В 2001 г. окончившим КДА Сивоплясом Юрием была защищена дипломная работа на эту тему: "Православная Церковь на Украине и казачество в XVII веке".
33. "Пути...". С. 42.
34. Над составлением "Лексикона" автор трудился более 30 лет. Он хорошо знал сирский, халдейский, еврейский и греческий языки.
35. Униатский архиепископ Смоленский (по Доброклонскому; см. его "Руководство...", С. 457).
36. "Оборона едности (Унии) церковной, или Доводы, которыми доказывается, что Церковь восточная должна быть соединена с латинской" (на польском языке). См.: Русская Православная Церковь. 988—1988. Очерки истории I—XIX вв. Выпуск I. Издание Московской Патриархии. 1988. С. 59.
37. "Пути...". С. 43.
38. "Палинодия (греч.) — возвращение на старый путь перешедших в унию". См. цит соч.: Русская Православная Церковь... Очерки... С. 59.
39. Там же.
40. "Пути...". С. 44.
41. "Пути...". С. 48.
42. "Пути...". С. 52, 55, 56.
43. "Очерки...". Т. I. С. 23.
44. "История...". С. 566, 570, 572—576.
45. "История...". С. 294—295.
46. "Очерки...". Т. II, С. 243—245.
47. "История...". Ч. I, М., 1996. С. 289—291; Ч. II. М., 1997. С. 89—90.
48. Говорун С. "Движение колливадов в Греции, его связь с исихазмом и влияние на современную жизнь Эладской Церкви". Курсовое сочинение. Киев, 1998. С. 6.

вн-Могиланская Коллегия-Академия на рубеже столетий.
фини (и)фини происхождения и развития Киевской Духовной школы

69

19. См.: БТ-4. С. 251–254; БТ-33. С. 93.
20. Доброклонский А.П. “Руководство...”. С. 446.
21. “Русская Православная Церковь... Очерки истории...”. С. 63.
22. См.: Архив Юго-Западной России... Ч. I. Т. III. Киев, 1914. С. 1, 343... Т. II. С. 1–2, 15.
23. См. доклад протопресвитера В. Борового на международной научной конференции, посвященной 400-летию Патриаршества, на тему: “Московский Патриархат и Киевская Митрополия (1589–1687)”. С. 13.
24. Титов Ф.И., проф. Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. I–II. Киев, 1905.
25. Карташев А.В. “Очерки...”. Т. II. С. 297.
26. “Киевская Академия в конце XVII и начала XVIII столетий”, см.: “Речь и Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1900/1901 учебный год”. Киев, 1901. С. 6.
27. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. I. СПб., 1992. С. 158.
28. Петров Н. “Киевская Академия во второй половине XVII века”. // ТКДА. 1895. Т. III. С. 586.
29. См.: “Словарь книжников...”. Ч. I. С. 158.
30. Цит. соч. Там же.
31. Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865, цит. по “Словарь книжников...”. С. 159.
32. Цит.соч. С. 160.
33. Цит. соч. С. 160–162.
34. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1991. С. 346.
35. Годы жизни: 1724–1783.
36. Годы жизни: 1722–1794. См.: Прот. В.В.Зеньковский. История русской философии. Т. I. 2-е изд. Paris, 1989. С. 62.
37. Там же. С. 57.

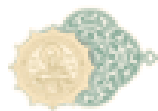
Прот. Георгий Соменок, доцент, кандидат богословия

- 70
68. Русская Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. Вып. I. М., 1988. С. 53. Е.Н. Дзюба. Просвещение на Украине. Вт. п. XVI – п. п. XVII в. Киев, 1987. С. 36–37.
69. Дзюба Е.Н. Цит. соч. С. 29.
70. Зеньковский В.В., прот. Цит. соч. С. 57.
71. Уния в документах. Минск, 1997. С. 151, 186, 199, 394, 405.
72. Зноско К., прот. Исторический очерк церковной унии. М., 1993. С. 142, 155, 161, 173, 189.
73. История Русской Церкви, Т. IX. М., 1996. Книга пятая.
74. История Русской Церкви. (Учебное руководство). Paris-Москва, 1996. С. 207–208, 213.
75. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. С. 433–438.
76. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. I. С. 675. Т. II. С. 268–269.
77. Українська Церква. Київ, 1993. У двох томах. С. 117–118.
78. Нарис історії Української Православної Церкви (XX віка). Нью-Йорк, 1990. Т. III. С. 326–327.
79. Україна. Історія. Київ, 1992. С. 94–95.
80. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. Учебное пособие. М., 1996. С. 114–115.
81. “Очерки по истории Русской Церкви”. Т. I. С. 675.
82. “Нарис історії Української Православної Церкви”. Нью-Йорк—Київ, 1990. Ч. I. С. 275.
83. Там же.
84. Тема доклада: “Церковь в истории и обществе”. // Православний вісник. 1997. №3. С. 23–29.
85. Флоровский Г., прот. “Пути...” Paris, 1988. С. 38, 40.

Использованная литература:

1. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною Коллегиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною в Киевском Военном Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. I. Т. II–III. Киев, 1864.
2. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем академическим. В двух частях. Киев, 1856.
3. Боровой В., протопресвитер. “Московский Патриархат и Киевская Митрополия (1589 – 1687)”. Доклад на международной научной конференции, посвященной 400-летию Патриаршества. Машинопись.
4. Власовський М. Нарис історії Української Православної Церкви (XVIII – XX ст.). Нью-Йорк, 1990.
5. Говорун С. “Движение коливачей в Греции, его связь с иконопочтением и влияние на современную жизнь Элладской Церкви”. Курсовое сочинение.
6. Голубев С.Т. “Киевская Академия в конце XVII и начале XVIII столетий”. // Речь и Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1900/1901 учебный год. Киев, 1901.
7. Дзюба Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским. Вторая половина XVI – первая половина XVII вв. Киев, 1987.
8. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999.
9. Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995.
10. Зеньковский В., прот. История русской философии. Т. I. 2-е изд. Paris, 1989.
11. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1991.

12. Зноско К., прот. Исторический очерк церковной унии М., 1993.
13. История Киева. Древний и средневековый Киев. Т. I. Киев, 1982.
14. Энциклопедический справочник. Киев, 1986.
15. Карпов М.М. Евгений Болховитинов как Митрополит Киевский. Киев, 1914.
16. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В двух томах. М., 1991.
17. Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Академии. СПб., 1843.
18. Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. I. М., 1994.
19. Мухин Н. Киево-Братский училищный монастырь. Исторический очерк. Киев, 1893.
20. Русская Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. Выпуск I. М., 1988.
21. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. III (XVII в.). Ч. I. СПб., 1992.
22. Тальберг Н. История Христианской Церкви. Москва – Нью-Йорк, 1991.
23. Титов Ф.И., проф. Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. I–II. Киев, 1905.
24. Петров Н. “Киевская Академия во втор. пол. XVII в.” // ТКДА. Т. III. 1895.
25. Уния в документах. Минск, 1997.
26. Филарет, архиеп. История Русской Церкви. М., 2001.
27. Флоровский Г. Пути Русского богословия. Paris, 1988.
28. Хижняк З. Киево-Могилянська Академія. Історичний нарис. Київ, 2001.
29. Христианство и религии мира. М., 2001.